

Рэй Брэдбери

И грянул гром

A Sound of Thunder

1952

Объявление на стене расплылось, словно его затянуло пленкой скользящей теплой воды; Экельс почувствовал, как веки, смыкаясь, на долю секунды прикрыли зрачки, но и в мгновенном мраке горели буквы:

А/О САФАРИ ВО ВРЕМЕНИ

ОРГАНИЗУЕМ САФАРИ В ЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО

ВЫ ВЫБИРАЕТЕ ДОБЫЧУ

МЫ ДОСТАВЛЯЕМ ВАС НА МЕСТО

ВЫ УБИВАЕТЕ ЕЕ

В глотке Экельса скопилась теплая слизь; он судорожно глотнул. Мускулы вокруг рта растянули губы в улыбку, когда он медленно поднял руку, в которой покачивался чек на десять тысяч долларов, предназначенный для человека за конторкой.

– Вы гарантируете, что я вернусь из сафари живым?

– Мы ничего не гарантируем, – ответил служащий, – кроме динозавров.

– Он повернулся. – Вот мистер Тревис, он будет вашим проводником в Прошлое. Он скажет вам, где и когда стрелять. Если скажет "не стрелять", значит – не стрелять. Не выполните его распоряжения, по возвращении заплатите штраф – еще десять тысяч, кроме того, ждите неприятностей от правительства.

В дальнем конце огромного помещения конторы Экельс видел нечто причудливое и неопределенное, извивающееся и гудящее, переплетение проводов и стальных кожухов, переливающийся яркий ореол – то оранжевый, то серебристый, то голубой. Гул был такой, словно само Время

горело на могучем костре, словно все годы, все даты летописей, все дни свалили в одну кучу и подожгли.

Одно прикосновение руки – и тотчас это горение послушно даст задний ход. Экельс помнил каждое слово объявления. Из пепла и праха, из пыли и золы восстанут, будто золотистые саламандры, старые годы, зеленые годы, розы усладят воздух, седые волосы станут черными, исчезнут морщины и складки, все и вся повернет вспять и станет семенем, от смерти ринется к своему истоку, солнца будут всходить на западе и погружаться в зарево востока, луны будут убывать с другого конца, все и вся уподобится цыпленку, прячущемуся в яйцо, кроликам, ныряющим в шляпу фокусника, все и вся познает новую смерть, смерть семени, зеленую смерть, возвращения в пору, предшествующую зачатию. И это будет сделано одним лишь движением руки...

– Черт возьми, – выдохнул Экельс; на его худом лице мелькали блики света от Машины – Настоящая Машина времени! – Он покачал головой. – Подумать только. Закончись выборы вчера иначе, и я сегодня, быть может, пришел бы сюда спасаться бегством. Слава богу, что победил Кейт. В Соединенных Штатах будет хороший президент.

– Вот именно, – отозвался человек за конторкой. – Нам повезло. Если бы выбрали Дойчера, не миновать нам жесточайшей диктатуры. Этот тип против всего на свете – против мира, против веры, против человечности, против разума. Люди звонили нам и спрашивались – шутя, конечно, а впрочем... Дескать, если Дойчер будет президентом, нельзя ли перебраться в 1492 год. Да только не наше это дело – побеги устраивать. Мы организуем сафари. Так или иначе, Кейт – президент, и у вас теперь одна забота...

– ...убить моего динозавра, – закончил фразу Экельс.

– *Tyrannosaurus rex*. Громогласный Ящер, отвратительнейшее чудовище в истории планеты. Подпишите вот это. Что бы с вами ни произошло, мы не отвечаем. У этих динозавров зверский аппетит.

Экельс вспыхнул от возмущения.

– Вы пытаетесь испугать меня?

– По чести говоря, да. Мы вовсе не желаем отправлять в прошлое таких, что при первом же выстреле ударяются в панику. В том году погибло шесть руководителей и дюжина охотников. Мы предоставляем вам случай испытать самое чертовское приключение, о каком только может мечтать настоящий охотник. Путешествие на шестьдесят миллионов лет назад и величайшая добыча всех времен! Вот ваш чек. Порвите его.

Мистер Экельс долго, смотрел на чек. Пальцы его дрожали.

– Ни пуха, ни пера, – сказал человек за конторкой. – Мистер Тревис, займитесь клиентом.

Неся ружья в руках, они молча прошли через комнату к Машине, к серебристому металлу и рокоchущему свету.

Сперва день, затем ночь, опять день, опять ночь; потом день – ночь, день – ночь, день. Неделя, месяц, год, десятилетие! 2055 год. 2019, 1999! 1957! Мимо! Машина ревела.

Они надели кислородные шлемы, проверили наушники.

Экельс качался на мягком сиденье – бледный, зубы стиснуты. Он ощутил судорожную дрожь в руках, посмотрел вниз и увидел, как его пальцы сжали новое ружье. В машине было еще четверо. Тревис – руководитель сафари, его помощник Лесперанс и два охотника – Биллингс и Кремер. Они сидели, глядя друг на друга, а мимо, точно вспышки молний, проносились годы.

– Это ружье может убить динозавра? – вымолвили губы Экельса.

– Если верно попадешь, – ответил в наушниках Тревис. – У некоторых динозавров два мозга: один в голове, другой ниже по позвоночнику. Таких мы не трогаем. Лучше не злоупотреблять своей счастливой звездой. Первые две пули в глаза, если сумеете, конечно. Ослепили, тогда бейте в мозг.

Машина взвыла. Время было словно кинолента, пущенная обратным ходом. Солнца летели вспять, за ними мчались десятки миллионов лун.

– Господи, – произнес Экельс. – Все охотники, когда-либо жившие на свете, позавидовали бы нам сегодня. Тут тебе сама Африка покажется Иллинойсом.

Машина замедлила ход, вой сменился ровным гулом. Машина остановилась.

Солнце остановилось на небе.

Мгла, окружавшая Машину, рассеялась, они были в древности, глубокой-глубокой древности, три охотника и два руководителя, у каждого на коленях ружье – голубой вороненый ствол.

– Христос еще не родился, – сказал Тревис. – Моисей не ходил еще на гору беседовать с богом. Пирамиды лежат в земле, камни для них еще не обтесаны и не сложены. Помните об этом. Александр, Цезарь, Наполеон, Гитлер – никого из них нет.

Они кивнули.

– Вот, – мистер Тревис указал пальцем, – вот джунгли за шестьдесят миллионов две тысячи пятьдесят пять лет до президента Кейта.

Он показал на металлическую тропу, которая через распаренное болото уходила в зеленые заросли, извиваясь между огромными папоротниками и пальмами.

– А это, – объяснил он, – Тропа, проложенная здесь для охотников Компанией. Она парит над землей на высоте шести дюймов. Не задевает ни одного дерева, ни одного цветка, ни одной травинки. Сделана из антигравитационного металла. Ее назначение – изолировать вас от этого мира прошлого, чтобы вы ничего не коснулись. Держитесь Тропы. Не сходите с нее. Повторяю: не сходите с нее. Ни при каких обстоятельствах! Если свалитесь с нее – штраф. И не стреляйте ничего без нашего разрешения.

– Почему? – спросил Экельс.

Они сидели среди древних зарослей. Ветер нес далекие крики птиц, нес запах смолы и древнего соленого моря, запах влажной травы и кроваво-красных цветов.

– Мы не хотим изменять Будущее. Здесь, в Прошлом, мы незваные гости. Правительство не одобряет наши экскурсии. Приходится платить немалые взятки, чтобы нас не лишили концессии. Машина времени – дело щекотливое. Сами того не зная, мы можем убить какое-нибудь важное животное, пичугу, жука, раздавить цветок и уничтожить важное звено в развитии вида.

– Я что-то не понимаю, – сказал Экельс.

– Ну так слушайте, – продолжал Тревис. – Допустим, мы случайно убили здесь мышь. Это значит, что всех будущих потомков этой мыши уже не будет – верно?

– Да.

– Не будет потомков от потомков от всех ее потомков! Значит, неосторожно ступив ногой, вы уничтожаете не одну, и не десяток, и не тысячу, а миллион – миллиард мышей!

– Хорошо, они сдохли, – согласился Экельс. – Ну и что?

– Что? – Тревис презрительно фыркнул. – А как с лисами, для питания которых нужны были именно эти мыши? Не хватит десяти мышей – умрет одна лиса. Десятью лисами меньше – подохнет от голода лев. Одним львом меньше – погибнут всевозможные насекомые и стервятники, сгинет неисчислимое множество форм жизни. И вот итог: через пятьдесят девять миллионов лет пещерный человек, один из дюжины, населяющей весь мир, гонимый голодом, выходит на охоту за кабаном или саблезубым тигром. Но вы, друг мой, раздавив одну мышь, тем самым раздавили всех тигров в этих местах. И пещерный человек умирает от голода. А этот человек, заметьте себе, не просто один человек, нет! Это целый будущий народ. Из его чресел вышло бы десять сыновей. От них произошло бы сто – и так далее, и возникла бы целая цивилизация. Уничтожьте одного человека – и вы уничтожите целое племя, народ, историческую эпоху. Это все равно что убить одного из внуков Адама. Раздавите ногой мышь – это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне

изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека – смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь – и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь – и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавер. Соединенные Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь тропы. Никогда не сходите с нее!

– Понимаю, – сказал Экельс. – Но тогда, выходит, опасно касаться даже травы?

– Совершенно верно. Нельзя предсказать, к чему приведет гибель того или иного растения. Малейшее отклонение сейчас неизмеримо возрастет за шестьдесят миллионов лет. Разумеется, не исключено, что наша теория ошибочна. Быть может, мы не в состоянии повлиять на Время. А если и в состоянии – то очень незначительно. Скажем, мертвая мышь ведет к небольшому отклонению в мире насекомых, дальше – к угнетению вида, еще дальше – к неурожаю, депрессии, голоду, наконец, к изменениям социальным. А может быть, итог будет совсем незаметным – легкое дуновение, шепот, волосок, пылинка в воздухе, такое, что сразу не увидишь. Кто знает? Кто возьмется предугадать? Мы не знаем – только гадаем. И покуда нам не известно совершенно точно, что наши вылазки во Времени для истории – гром или легкий шорох, надо быть чертовски осторожным. Эта Машина, эта Тропа, ваша одежда, вы сами, как вам известно, – все обеззаражено. И назначение этих кислородных шлемов – помешать нам внести в древний воздух наши бактерии.

– Но откуда мы знаем, каких зверей убивать?

– Они помечены красной краской, – ответил Тревис. – Сегодня, перед нашей отправкой, мы послали сюда на Машине Лесперанса. Он побывал как раз в этом времени и проследил за некоторыми животными.

– Изучал их?

– Вот именно, – отозвался Лесперанс. – Я прослеживаю всю их жизнь и отмечаю, какие особи живут долго. Таких очень мало. Сколько раз они спариваются. Редко... Жизнь коротка. Найдя зверя, которого подстерегает смерть под упавшим деревом или в асфальтовом озере, я отмечаю час, минуту, секунду, когда он гибнет. Затем стреляю красящей пулей. Она оставляет на коже красную метку. Когда экспедиция отбывает в Прошлое, я рассчитываю все так, чтобы мы явились минуты за две до того, как животное все равно погибнет. Так что мы убиваем только те особи, у которых нет будущего, которым и без того уже не спариться. Видите, насколько мы осторожны?

– Но если вы утром побывали здесь, – взволнованно заговорил Экельс, – то должны были встретить нас, нашу экспедицию! Как она прошла? Успешно? Все остались живы?

Тревис и Лесперанс переглянулись.

– Это был бы парадокс, – сказал Лесперанс. – Такой путаницы, чтобы человек встретил самого себя, Время не допускает. Если возникает такая опасность. Время делает шаг в сторону. Вроде того, как самолет проваливается в воздушную яму. Вы заметили, как Машину тряхнуло перед самой нашей остановкой? Это мы миновали самих себя по пути обратно в Будущее. Но мы не видели ничего. Поэтому невозможно сказать, удалась ли наша экспедиция, уложили ли мы зверя, вернулись ли мы – вернее, вы, мистер Экельс, – обратно живые.

Экельс бледно улыбнулся.

– Ну, все, – отрезал Тревис. – Встали!

Пора было выходить из Машины.

Джунгли были высокие, и джунгли были широкие, и джунгли были навеки всем миром. Воздух наполняли звуки, словно музыка, словно паруса бились в воздухе – это летели, будто исполинские летучие мыши из кошмара, из бреда, махая огромными, как пещерный свод, серыми крыльями, птеродактили. Экельс, стоя на узкой Тропе, шутя прицелился.

– Эй, бросьте! – скомандовал Тревис. – Даже в шутку не цельтесь, черт бы вас побрал! Вдруг выстрелит...

Экельс покраснел.

– Где же наш Tyrannosaurus rex?

Лесперанс взглянул на свои часы.

– На подходе. Мы встретимся ровно через шестьдесят секунд. И ради бога – не прозевайте красное пятно. Пока не скажем, не стрелять. И не сходите с Тропы. Не сходите с тропы!

Они шли навстречу утреннему ветерку.

– Странно, – пробормотал Экельс. – Перед нами – шестьдесят миллионов лет. Выборы прошли. Кейт стал президентом. Все празднуют победу. А мы – здесь, все эти миллионы лет словно ветром сдуло, их нет. Всего того, что заботило нас на протяжении нашей жизни, еще нет и в помине, даже в проекте.

– Приготовиться! – скомандовал Тревис. – Первый выстрел ваш, Экельс. Биллингс – второй номер. За ним – Кремер.

– Я охотился на тигров, кабанов, буйволов, слонов, но видит бог – это совсем другое дело, – произнес Экельс. – Я дрожу, как мальчишка.

– Тихо, – сказал Тревис.

Все остановились.

Тревис поднял руку.

– Впереди, – прошептал он. – В тумане. Он там. Встречайте Его Королевское Величество.

Безбрежные джунгли были полны щебета, шороха, бормотанья, вздохов.

Вдруг все смолкло, точно кто-то затворил дверь.

Тишина.

Раскат грома.

Из мглы ярдах в ста впереди появился Tyrannosaurus rex.

– Силы небесные, – пролепетал Экельс.

– Тсс!

Оно шло на огромных, лоснящихся, пружинящих, мягко ступающих ногах.

Оно за тридцать футов возвышалось над лесом – великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии. Ноги – могучие поршни, тысяча фунтов белой кости, оплетенные тугими каналами мышц под блестящей морщинистой кожей, подобной кольчуге грозного воина. Каждое бедро – тонна мяса, слоновой кости и кольчужной стали. А из громадной вздымающейся грудной клетки торчали две тонкие руки, руки с пальцами, которые могли подобрать и исследовать человека, будто игрушку. Извивающаяся змеиная шея легко вздымала к небу тысячекилограммовый каменный монолит головы. Разверстая пасть обнажала частокол зубо-кинжалов. Вращались глаза – страусовые яйца, не выражая ничего, кроме голода. Оно сомкнуло челюсти в зловещем оскале. Оно побежало, и задние ноги смяли кусты и деревья, и когти вспороли сырую землю, оставляя следы шестидюймовой глубины. Оно бежало скольльзящим балетным шагом, неправдоподобно уверенно и легко для десятитонной машины. Оно настороженно вышло на залитую солнцем прогалину и пощупало воздух своими красивыми чешуйчатыми руками.

– Господи! – Губы Экельса дрожали. – Да оно, если вытянется, луну достать может.

– Тсс! – сердито зашипел Тревис. – Он еще не заметил нас.

– Его нельзя убить. – Экельс произнес это спокойно, словно заранее отметал все возражения. Он взвесил показания очевидцев и вынес окончательное решение. Ружье в его руках было словно пугач. – Идиоты, и что нас сюда принесло... Это же невозможно.

– Молчать! – рявкнул Тревис.

– Кошмар...

– Кру-гом! – скомандовал Тревис. – Спокойно возвращайтесь в Машину. Половина суммы будет вам возвращена.

– Я не ждал, что оно окажется таким огромным, – сказал Экельс. – Одним словом, просчитался. Нет, я участвовать не буду.

– Оно заметило нас!

– Вон красное пятно на груди!

Громогласный Ящер выпрямился. Его бронированная плоть сверкала, словно тысяча зеленых монет. Монеты покрывала жаркая слизь. В слизи копошились мелкие козявки, и все тело переливалось, будто по нему пробегали волны, даже когда чудовище стояло неподвижно. Оно глуходохнуло. Над поляной повис запах сырого мяса.

– Помогите мне уйти, – сказал Экельс. – Раньше все было иначе. Я всегда знал, что останусь жив. Были надежные проводники, удачные сафари, никакой опасности. На сей раз я просчитался. Это мне не по силам. Признаюсь. Орешек мне не по зубам.

– Не бегите, – сказал Лесперанс. – Повернитесь кругом. Спрячьтесь в Машине.

– Да. – Казалось, Экельс окаменел. Он поглядел на свои ноги, словно пытался заставить их двигаться. Он застонал от бессилия.

– Экельс!

Он сделал шаг – другой, зажмурившись, волоча ноги.

– Не в ту сторону!

Едва он двинулся с места, как чудовище с ужасающим воем ринулось вперед. Сто ярдов оно покрыло за четыре секунды. Ружья взметнулись вверх и дали залп. Из пасти зверя вырвался ураган, обдав людей запахом слизи и крови. Чудовище взревело, его зубы сверкали на солнце.

Не оглядываясь, Экельс слепо шагнул к краю Тропы, сошел с нее и, сам того не сознавая, направился в джунгли; ружье бесполезно болталось в руках. Ступни тонули в зеленом мху, ноги влекли его прочь, он чувствовал себя одиноким и далеким от того, что происходило за его спиной.

Снова затрещали ружья. Выстрелы потонули в громовом реве ящера. Могучий хвост рептилии дернулся, точно кончик бича, и деревья взорвались

облаками листьев и веток. Чудовище протянуло вниз свои руки ювелира – погладить людей, разорвать их пополам, раздавить, как ягоды, и сунуть в пасть, в ревущую глотку! Глыбы глаз очутились возле людей. Они увидели свое отражение. Они открыли огонь по металлическим векам и пылающим черным зрачкам.

Словно каменный идол, словно горный обвал, рухнул. *Tyrannosaurus rex*.

Рыча, он цеплялся за деревья и валил их. Зацепил и смял металлическую Тропу. Люди бросились назад, отступая. Десять тонн холодного мяса, как утес, грохнулись оземь. Ружья дали еще залп. Чудовище ударило бронированным хвостом, щелкнуло змеиными челюстями и затихло. Из горла фонтаном била кровь. Где-то внутри лопнул бурдюк с жидкостью, и зловонный поток захлестнул охотников. Они стояли неподвижно, облитые чем-то блестящим, красным.

Гром смолк.

В джунглях воцарилась тишина. После обвала – зеленый покой. После кошмара – утро.

Биллингс и Кремер сидели на Тропе; им было плохо. Тревис и Лесперанс стояли рядом, держа дымящиеся ружья и чертыхаясь.

Экельс, весь дрожа, лежал ничком в Машине Времени. Каким-то образом он выбрался обратно на Тропу и добрал до Машины.

Подошел Тревис, глянул на Экельса, достал из ящика марлю и вернулся к тем, что сидели на Тропе.

– Оботритесь.

Они стерли со шлемов кровь. И тоже принялись чертыхаться. Чудовище лежало неподвижно. Гора мяса, из недр которой доносилось бульканье, вздохи – это умирали клетки, органы переставали действовать, и соки последний раз текли по своим ходам, все отключалось, навсегда выходя из строя. Точно вы стояли возле разбитого паровоза или закончившего рабочий день парового катка – все клапаны открыты или плотно зажаты.

Затрещали кости: вес мышц, ничем не управляемый – мертвый вес, – раздавил тонкие руки, притиснутые к земле. Колыхаясь, оно приняло спокойное положение.

Вдруг снова грохот. Высоко над ними сломался исполинский сук. С гулом он обрушился на безжизненное чудовище, как бы окончательно утверждая его гибель.

– Так. – Лесперанс поглядел на часы. – Минута в минуту. Это тот самый сук, который должен был его убить. – Он обратился к двум охотникам. – Фотография трофея вам нужна?

– Что?

– Мы не можем увозить добычу в Будущее. Туша должна лежать здесь, на своем месте, чтобы ею могли питаться насекомые, птицы, бактерии. Равновесие нарушать нельзя. Поэтому добычу оставляют. Но мы можем сфотографировать вас возле нее.

Охотники сделали над собой усилие, пытаясь думать, но сдались, трясая головой.

Они послушно дали отвести себя в Машину. Устало опустились на сиденья. Тупо оглянулись на поверженное чудовище – немой курган. На остывающей броне уже копошились золотистые насекомые, сидели причудливые птицеящеры.

Внезапный шум заставил охотников оцепенеть: на полу Машины, дрожа, сидел Экельс.

– Простите меня, – сказал он.

– Встаньте! – рявкнул Тревис.

Экельс встал.

– Ступайте на Тропу, – скомандовал Тревис. Он поднял ружье. – Вы не вернетесь с Машинной. Вы останетесь здесь!

Лесперанс перехватил руку Тревиса.

– Постой...

– А ты не суйся! – Тревис стряхнул его руку. – Из-за этого подонка мы все чуть не погибли. Но главное даже не это. Нет, черт возьми, ты погляди на его башмаки! Гляди! Он соскочил с Тропы. Понимаешь, чем это нам грозит? Один бог знает, какой штраф нам прилепят! Десятки тысяч долларов! Мы гарантируем, что никто не сойдет с Тропы. Он сошел. Идиот чертов! Я обязан доложить правительству. И нас могут лишить концессии на эти сафари. А какие последствия будут для Времени, для Истории?!

– Успокойся, он набрал на подошвы немного грязи – только и всего.

– Откуда мы можем знать? – крикнул Тревис. – Мы ничего не знаем! Это же все сплошная загадка! Шагом марш, Экельс!

Экельс полез в карман.

– Я заплачу сколько угодно. Сто тысяч долларов! Тревис покосился на чековую книжку и плюнул.

– Ступайте! Чудовище лежит возле Тропы. Суньте ему руки по локоть в пасть. Потом можете вернуться к нам.

– Это несправедливо!

– Зверь мертв, ублюдок несчастный. Пули! Пули не должны оставаться здесь, в Прошлом. Они могут повлиять на развитие. Вот вам нож. Вырежьте их!

Джунгли опять пробудились к жизни и наполнились древними шорохами, птичьими голосами. Экельс медленно повернулся и остановил взгляд на доисторической падали, глыбе кошмаров и ужасов. Наконец, словно лунатик, побрел по Тропе.

Пять минут спустя он, дрожа всем телом, вернулся к Машине, его руки были по локоть красны от крови.

Он протянул вперед обе ладони. На них блестели стальные пули. Потом он упал. Он лежал там, где упал недвижимый.

– Напрасно ты его заставил это делать, – сказал Лесперанс.

– Напрасно! Об этом рано судить. – Тревис толкнул неподвижное тело.
– Не помрет. Больше его не потянет за такой добычей. А теперь, – он сделал вялый жест рукой, – включай. Двигаемся домой.

1492. 1776. 1812

Они умыли лицо и руки. Они сняли заскорузлые от крови рубахи, брюки и надели все чистое. Экельс пришел в себя, но сидел молча. Тревис добрых десять минут в упор смотрел на него.

– Не смотрите на меня, – вырвалось у Экельса. – Я ничего не сделал.

– Кто знает.

– Я только соскочил с Тропы и вымазал башмаки глиной. Чего вы от меня хотите? Чтобы я вас на коленях умолял?

– Это не исключено. Предупреждаю Вас, Экельс, может еще случиться, что я вас убью. Ружье заряжено.

– Я не виноват. Я ничего не сделал.

1999. 2000. 2055.

Машина остановилась.

– Выходите, – скомандовал Тревис.

Комната была такая же, как прежде. Хотя нет, не совсем такая же. Тот же человек сидел за той же конторкой. Нет, не совсем тот же человек, и конторка не та же.

Тревис быстро обвел помещение взглядом.

– Все в порядке? – буркнул он.

– Конечно. С благополучным возвращением!

Но настороженность не покидала Тревиса. Казалось, он проверяет каждый атом воздуха, придирчиво исследует свет солнца, падающий из высокого окна.

– О'кей, Экельс, выходите. И больше никогда не попадайтесь мне на глаза.

Экельс будто окаменел.

– Ну? – поторопил его Тревис. – Что вы там такое увидели?

Экельс медленно вдыхал воздух – с воздухом что-то произошло, какое-то химическое изменение, настолько незначительное, неуловимое, что лишь слабый голос подсознания говорил Экельсу о перемене. И краски – белая, серая, синяя, оранжевая, на стенах, мебели, в небе за окном – они... они... да: что с ними случилось? А тут еще это ощущение. По коже бегали мурашки. Руки дергались. Всеми порами тела он улавливал нечто странное, чужеродное. Будто где-то кто-то свистнул в свисток, который слышат только собаки. И его тело беззвучно откликнулось. За окном, за стенами этого помещения, за спиной человека (который был не тем человеком) у перегородки (которая была не той перегородкой) – целый мир улиц и людей. Но как отсюда определить, что это за мир теперь, что за люди? Он буквально чувствовал, как они движутся там, за стенами, – словно шахматные фигурки, влекомые сухим ветром...

Зато сразу бросалось в глаза объявление на стене, объявление, которое он уже читал сегодня, когда впервые вошел сюда.

Что-то в нем было не так.

А/О СОФАРИ ВОВРЕМЕНИ

ОРГАНИЗУЕМ СОФАРИ ВЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО

ВЫ ВЫБЕРАЕТЕ ДАБЫЧУ

МЫ ДАСТАВЛЯЕМ ВАС НАМЕСТО

ВЫ УБЕВАЕТЕ ЕЕ

Экельс почувствовал, что опускается на стул. Он стал лихорадочно скрести грязь на башмаках. Его дрожащая рука подняла липкий ком.

– Нет, не может быть! Из-за такой малости... Нет!

На комке было отливающее зеленою, золотом и чернью пятно – бабочка, очень красивая... мертвая.

– Из-за такой малости! Из-за бабочки! – закричал Экельс.

Она упала на пол – изящное маленькое создание, способное нарушить равновесие, повалились маленькие костяшки домино... большие костяшки... огромные костяшки, соединенные цепью неисчислимых лет, составляющих Время. Мысли Экельса смешались. Не может быть, чтобы она что-то изменила. Мертвая бабочка – и такие последствия? Невозможно!

Его лицо похолодело. Непослушными губами он вымолвил:

– Кто... кто вчера победил на выборах?

Человек за конторкой хихикнул.

– Шутите? Будто не знаете! Дойчер, разумеется! Кто же еще? Уж не этот ли хлюпик Кейт? Теперь у власти железный человек! – Служащий опешил. – Что это с вами?

Экельс застонал. Он упал на колени. Дрожащие пальцы протянулись к золотистой бабочке.

– Неужели нельзя, – молил он весь мир, себя, служащего, Машину, – вернуть ее туда, оживить ее? Неужели нельзя начать все сначала? Может быть...

Он лежал неподвижно. Лежал, закрыв глаза, дрожа, и ждал. Он отчетливо слышал тяжелое дыхание Тревиса, слышал, как Тревис поднимает ружье и нажимает курок.

И грянул гром.